

Екатерина
ДИБРИВСКАЯ

ПОДРУГА ДОЧЕРИ

Ветер перемен

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

18+

Мы под запретом

Екатерина Дибривская

Подруга дочери. Ветер перемен

«Автор»

2026

Дибривская Е.

Подруга дочери. Ветер перемен / Е. Дибривская — «Автор»,
2026 — (Мы под запретом)

Двадцатилетняя Ксюша едет в Крым за беззаботным летом, но, вместо запланированного отпуска с Катей, её ждут посещения подруги в больнице и вынужденное соседство с её отцом. Ивану сорок семь. Он вдовец, статный тренер по пляжному волейболу, а ещё - мужчина, рядом с которым так легко забыть о правилах. Сначала между ними вспыхивает лишь крошечная искра, которую они пытаются погасить. Но когда молодой игрок из команды Ивана начинает интересоваться Ксюшей, ревность срывает все запреты и разгорается настоящая страсть. Их роман - опасная игра на грани фола. Ведь Катя никогда не простит отцу, что он предал память о матери и смотрит на ее лучшую подругу как на женщину. Но море не терпит тайн. Когда правда всплывет наружу, Ивану придется сделать невозможный выбор: единственная дочь или случайная любовь, вернувшая ему вкус жизни.

© Дибривская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ксюша	5
Глава 2. Иван	9
Глава 3. Ксюша	13
Глава 4. Иван	17
Глава 5. Ксюша	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Дибривская

Подруга дочери. Ветер перемен

Глава 1. Ксюша

Солнце нещадно палит, словно пытается выжечь все воспоминания о серых московских буднях. Его лучи, острые как лезвия, пробиваются сквозь редкие кроны привокзальных деревьев, рисуя на перроне тысячи солнечных зайчиков, которые “скачут” от малейшего дуновения знойного ветерка. Я стою на перроне маленькой крымской станции, зажмурившись, и глубоко вдыхаю воздух – терпкий, пьянящий коктейль из морской соли, дорожной пыли и сладкого аромата цветущих кустов, что растут вдоль путей.

Мини-платье липнет к разгорячённому телу, сандалии обжигают ступни, а сумка кажется неподъёмной ношей. Но всё это мелочи по сравнению с тем, что я наконец-то здесь – в Крыму!

– Ксюш! Я тут! – доносится звонкий голос, и я вижу среди толпы её – Катю, мою подругу, её рыжие кудри горят в лучах солнца ярче моего выгоревшего блонда, мгновенно привлекая моё внимание.

Протискиваясь сквозь толпу встречающих и провожающих, подталкивая перед собой чемодан, я наконец добираюсь до неё. Мы обнимаемся, смеясь и кружась, и я улавливаю знакомый с детства запах предстоящего отпуска – крема для загара и беззаботности.

– Доехала нормально? – спрашивает Катя, отстраняясь и подхватывая одну из моих сумок.

– Если считать нормальным пять часов в плацкарте с кричащим младенцем и бабушкой, которая всё время пыталась меня накормить пирожками... то да, просто идеально! – смеюсь я. – Но теперь я здесь! И это главное!

Мы выходим из здания вокзала, и у меня перехватывает дыхание. Море! Оно раскинулось передо мной во всей своей величественной красе – бескрайняя синева, сливающаяся с небом на горизонте. Зелёные холмы, усыпанные белыми и рыжими крышами домов, словно игрушечными, раскинулись до самого горизонта. Воздух здесь особенный – густой, солёный, пьянящий, он проникает в лёгкие, кружит голову и заставляет сердце биться чаще.

– Папа нас ждёт у машины, – говорит Катя, направляясь к старенькой, но ухоженной вольво.

У открытой водительской двери стоит он – Иван Андреевич. Тот самый, которого я видела пару раз на родительских собраниях в универе. Но здесь, в Крыму, он совершенно другой. Не строгий преподаватель в костюме, а... мужчина. Высокий, подтянутый, в простой белой футболке, которая обрисовывает мощные плечи и бицепсы. Седые пряди на висках только подчёркивают его смуглую, загорелую кожу и пронзительные серые глаза, которые сейчас изучают меня с каким-то особым вниманием.

– Ксения, здравствуйте, – его голос низкий, бархатистый, как море в штиль, но с металлическим оттенком. Он протягивает руку. Его рукопожатие твёрдое, тёплое. – Рады, что приехали. Закидывайте вещи.

– Здравствуй, Иван Андреевич. Спасибо за приглашение, – лепечу я, чувствуя, как предательский румянец заливал щеки.

Он просто помогает загрузить сумку и чемодан в багажник, а моё сердце колотится как сумасшедшее.

“Ксюша, соберись! Это отец твоей подруги! Тренер! Ему лет сорок пять, а тебе всего двадцать!” – кричит внутренний голос. Но его слова тонут в волне внезапного смущения и... интереса?

Я украдкой бросаю взгляд на его руки – сильные, с выступающими венами, на то, как уверенно он двигается, как солнце играет на его загорелой коже. И в этот момент понимаю – Крым встретил меня не только морем и солнцем, но и чем-то гораздо более волнующим.

Дорога до их дома – это отдельное приключение. Извиваясь серпантином, машина взбирается всё выше по горным склонам. За окном мелькают головокружительные виды: изумрудные долины, утопающие в дымке моря, величественные скалы, покрытые плащом из виноградников, и крошечные домики, словно прилепившиеся к склонам. От этой неземной красоты перехватывает дыхание, хочется остановить время, запечатлеть каждый момент в памяти.

Катя, не умолкая ни на секунду, рассказывает о местных достопримечательностях, пляжах, тусовках, тараторит о том, как здоровы мы проведём время. Её звонкий голос с гулом ветра из открытых окон, а энтузиазм заразителен. Я невольно поддакиваю, хотя мыслями всё время возвращаюсь к водителю. Иван Андреевич ведёт машину с уверенностью человека, который знает каждую выбоину на этом пути. По большей части он молчит, лишь изредка вставляя короткие реплики или отвечая на вопросы дочери. Его сильные руки уверенно держат руль, а профиль в зеркале заднего вида кажется высеченным из мрамора: сильная линия скулы, решительный подбородок, сосредоточенный взгляд, устремлённый вперёд.

“Стоп, Ксения! Что с тобой происходит?” – одергиваю я себя, но взгляд то и дело возвращается к его отражению.

И вот мы на месте. Их дом... Он не просто у моря – он возвышается над ним. Небольшое строение утопает в буйной зелени: виноградные лозы карабкаются по стенам, розовые кусты пылают яркими красками, а какие-то диковинные южные растения источают пряные ароматы. Терраса, увитая цветущими лианами, открывает потрясающий вид на бескрайнюю морскую синеву. Воздух здесь особенный – гудит от пчелиного гула, трещит стрекотанием цикад и пропитан свежим ароматом моря.

– Вот твоё комната! – Катя распахивает дверь, и я замираю от восторга. Светлая, воздушная комната с кроватью под белым балдахином, который колышется от морского бриза. Французское окно открывает потрясающий вид на сад и мерцающее море вдали.

– Катя, это просто невероятно красиво! – не могу сдержать восхищения, подбегая к окну. Сквозь кружево листьев виднеется морская гладь, а в воздухе разливается пьянящий аромат олеандра, смешанный с солёными брызгами.

– Папа! – кричит Катя, высунувшись в окно. – Мы сейчас переоденемся и на пляж, хорошо? Я хочу показать Ксюше нашу бухточку!

– Хорошо, – доносится снизу глубокий голос Ивана Андреевича. – Только быстро. У меня вечером тренировка.

Пока мы переодеваемся в купальники, я ловлю себя на том, что моё новое бикини вдруг кажется слишком вызывающим, слишком ярким для этого райского места. Катя щебечет без умолку: рассказывает о местных парнях, дискотеке у маяка, строит грандиозные планы на отпуск. А я киваю, улыбаюсь, но мысли куда-то уносятся.

Этот дом... Этот потрясающий вид... Этот загадочный Иван Андреевич... Лёгкое чувство тревоги переплетается с предвкушением чего-то нового, неизведанного. Что-то определённо начинается. Что-то, что может изменить всё.

Или это просто игра моего воображения под южным солнцем?

Только мы спускаемся по лестнице, как Катя вдруг замирает, её лицо резко бледнеет, словно кто-то выкрасил его мелом. Она хватается за правый бок, и её лицо искажает мучительная гримаса боли.

– Ой... – вырывается у неё тихий стон, в котором слышится настоящий ужас. – Что-то стрельнуло...

– Катя? Что случилось? – я бросаюсь к ней, сердце начинает колотиться как сумасшедшее, в голове туман.

– Не знаю... Резко так... в правом боку... – она сгибается пополам, и я вижу, как на её лбу выступают капельки пота, как они стекают по виску, оставляя солёные дорожки.

Иван Андреевич, услышав шум, мгновенно появляется из кухни. Его реакция молниеносна – он сразу оценивает ситуацию, его профессиональный взгляд мгновенно сканирует состояние дочери.

– Катя? Где болит? – его голос резкий, командный, в нём слышится сталь и решительность. Он подхватывает дочь под руку, не давая ей упасть. Боль настолько сильная, что она буквально не может стоять прямо, её тело содрогается от спазмов.

– Пап... очень больно... – её голос дрожит, срывается, в нём слышится настоящая паника, когда она показывает отцу рукой на больную область.

– Скорее всего, аппендицит, – мгновенно ставит диагноз Иван Андреевич, и его лицо становится каменным, непроницаемым. – Нужно в больницу. Сейчас. Ксения, возьмите её сумку, там паспорт и полис должны быть. Быстро!

Суматоха охватывает всё вокруг. Время словно замедляется, а потом несётся вскачь. Скорую ждать некогда – каждая секунда на счету. Иван Андреевич почти несёт Катю к машине, его движения точны, расчётливы, в них нет ни капли сомнения. Я бегу следом, роняя сандалии, хватая её сумку, не чувствуя, как песок впивается в босые ступни. Тревога сжимает горло стальными тисками, вырывая воздух из лёгких. Всего час назад был восторг, предвкушение прекрасного отдыха, а теперь – леденящий душу страх.

В приёмном отделении больницы всё происходит с молниеносной скоростью. Врачи подтверждают подозрения Ивана Андреевича – острый аппендицит. Нужна срочная операция. Катю увозят на каталке, она бледная, испуганная, её пальцы судорожно сжимают мою руку.

– Я с тобой, Кать, я здесь, – шепчу я, но мои слова кажутся такими беспомощными, такими ничтожными перед лицом этой боли.

Дверь в операционную закрывается с глухим стуком, отсекая нас от Кати. Я остаюсь в холодном, пахнущем антисептиком и страхом коридоре с Иваном Андреевичем. Он стоит у окна, смотрит в вечерние сумерки, его спина напряжена, словно натянутая струна, кулаки сжаты до побелевших костяшек. Я чувствую себя чужой, лишней, нелепой в своём ярком сарафане поверх купальника, который ещё час назад казался таким праздничным и беззаботным.

В голове крутятся мысли, одна страшнее другой. Что, если... А вдруг... Как она там сейчас... А он... Как ему сейчас тяжело... Его дочь... В операционной... Под ножом...

Тишина коридора давит на уши, каждый вздох кажется слишком громким, каждый шорох – предвестником чего-то страшного. Время тянется медленно, как патока, каждая минута длится вечность, каждая секунда – маленькая смерть.

И в этой тишине я чувствую, как рушатся все мои прежние представления о жизни, о том, что действительно важно, о том, как хрупка и непредсказуема судьба. И как даже самые лучшие планы могут не осуществиться из-за независящих от нас обстоятельств.

– Иван Андреевич... – начинаю я, голос предательски дрожит, выдавая моё смятение. – Я... я, наверное, поеду домой. В Москву. Не хочу вас стеснять... Вам и без меня сейчас тяжело.

Он резко оборачивается. Его серые глаза, обычно такие пронизательные и сдержанные, сейчас полны усталости и чего-то ещё... тревоги? Но голос, когда он говорит, твёрдый, почти приказной:

– Категоричное “нет”, Ксения. Вы никуда не едете. Катя вас ждала, она будет расстроена, если вы уедете. Да и... – он делает паузу, смотрит на меня прямо, и в его взгляде что-то меняется. – Вам тоже нужен отдых. А в пустом доме сейчас будет слишком тихо. Оставайтесь. Пожалуйста. Считайте наш дом своим домом.

Он говорит “пожалуйста”, но в его тоне нет места для возражений. И в этом “слишком тихо” я слышу его собственную, невысказанную тревогу. Я замираю, чувствуя, как внутри борются противоречивые чувства. Уехать? Или остаться? Остаться здесь, в этом доме над

морем, с этим невероятным, строгим, харизматичным мужчиной, отцом моей подруги, пока она в больнице? Сердце снова начинает биться чаще. От страха? Или от чего-то другого?

В его присутствии я чувствую себя маленькой и беззащитной, но в то же время появляется странное ощущение защищённости. Его авторитет, его уверенность действуют на меня как магнит. Я тяжело сглатываю ком, вставший в горле от внезапного волнения, и киваю, чувствуя, как предательски горят щёки.

– Хорошо. Я останусь. Если вы уверены, что я не помешаю.

Он чуть заметно улыбается уголками губ. Это почти невидимое движение, но оно меняет всё его лицо, делает его моложе, теплее, человечнее. В этой улыбке есть что-то обезоруживающее, что-то, что заставляет меня забыть о своих сомнениях.

– Не мешаете. Спасибо, Ксения.

В этот момент из операционной выходит хирург. Его уверенный вид и спокойный тон приносят облегчение. Операция прошла успешно. Катя в порядке, но ей нужно провести несколько дней в больнице. Мы облегчённо вздыхаем, обмениваемся взглядами, полными благодарности и облегчения. Кризис миновал.

Но моё личное смятение только начинается. Что меня ждёт в этом доме, полном солнца, моря и... его присутствия?

Мысли путаются, сердце то замирает, то начинает биться чаще. Я чувствую себя как на краю обрыва – страшно и волнующе одновременно. Этот дом, этот мужчина, эта ситуация – всё это кажется началом чего-то нового, неизведанного, что может изменить мою жизнь.

Воздух в коридоре кажется густым от напряжения, а где-то глубоко внутри меня проклёвывается росток новых, только зарождающихся чувств. Вечерние сумерки за окном сгущаются, превращая море в тёмную бездну, а в моей душе бушует настоящий шторм эмоций и противоречий.

Глава 2. Иван

Тишина. Привычная, гулкая, словно эхо в пустой пещере. Она давно уже поселилась в доме, и я сроднился с ней. Но после вечера в больнице, после практически бессонной ночи, после выброса адреналина и страха за Катю эта тишина в доме давит на виски, заставляет сердце биться чаще. Я стою на террасе, пью крепкий, насыщенный чёрный кофе и смотрю на море. Сегодня оно спокойное, как зеркало, отражающее безоблачное небо. Но под глянцевою, безмятежной поверхностью – невидимые глазу течения, которые всегда есть в морской глубине. Совсем как в жизни.

Катя прооперирована, всё хорошо. Но мысль о том, что могло быть иначе... Нет, нельзя. Надо держать себя в руках. Всегда. Тренерская привычка – контроль над ситуацией, над телом, над эмоциями.

И тут – она. Ксения. Однотруппница и подруга Кати. Блондинка с тонкими чертами лица, хрупкая, как тростинка, но с каким-то внутренним огоньком в глазах, который я заметил ещё на вокзале. И теперь она здесь, одна, в моём доме, из-за внезапного аппендицита дочери.

Я слышу осторожные шаги на лестнице. Она спускается. Я не оборачиваюсь сразу, даю ей время осмотреться. Слышу её лёгкий вздох восхищения при виде утра над морем. Потом шаги приближаются.

– Доброе утро, Иван Андреевич.

Оборачиваюсь. Она в просторной футболке и коротких шортах, босые ноги едва заметно переступают по прохладной каменной плитке. Периодически она поджимает пальцы от холода, но не решается сдвинуться с места. Волосы, светлые, как пенька, растрёпаны после сна. Глаза ещё немного сонные, но широко открытые, голубые, как крымское небо в полдень.

– Доброе утро, Ксения. Выспались? – голос звучит ровнее, чем я чувствую внутри. Этот дом теперь полон её присутствия – лёгкого, ненавязчивого, но такого заметного.

– Да, спасибо. Комната чудесная. А вид... – она подходит к перилам, становится совсем близко ко мне, опирается, смотрит вдаль. Солнце играет в её волосах, создавая вокруг головы золотистый ореол. – Просто дух захватывает. Как Катя чувствует себя?

– Хорошо. Звонила утром. Ноет, конечно, просится домой. Но врачи говорят, минимум пять дней. – Делаю глоток кофе. Горечь бодрит, помогает собраться с мыслями. – Голодны? Я как раз собирался завтракать.

Она оборачивается, улыбается. Улыбка у неё светлая, чуть смущённая, искренняя.

– Очень. Чем так вкусно пахнет?

– Омлетом. – отвечаю просто. – С местными травами и сыром. Идёмте.

Кухня залита солнечным светом, который проникает через большие окна с ажурными занавесками, создавая причудливые узоры на полу. На столе уже стоит тарелка с нарезанными помидорами, огурцами, зеленью. И большой кувшин свежесжатого сока, аромат которого наполняет комнату.

– Присаживайтесь, – указываю на стул, стараясь скрыть волнение. – Кофе? Чай? Сок?

– Сок, пожалуйста. Спасибо.

Её голос звучит так мягко, так по-домашнему, что я на мгновение забываю, где нахожусь. В этом доме, который так долго был наполнен присутствием одной лишь Кати, теперь есть кто-то ещё. Кто-то, кто приносит с собой свежесть и лёгкость, кто-то, кто заставляет моё сердце биться чуть быстрее.

Я наливаю ей сок, стараясь не смотреть на её руки, на то, как она держит стакан, на её тонкие запястья. Мысли путаются, и я ловлю себя на том, что слишком долго смотрю на неё. Быстро отворачиваюсь к плите, где шипит омлет, и делаю вид, что занят приготовлением завтрака.

В воздухе витает аромат моря, трав и чего-то неуловимо женского – может быть, её духов или шампуня. Этот запах смешивается с запахом готовящейся еды, создавая странную, почти интимную атмосферу.

Я чувствую, как напряжение уходит, сменяясь чем-то другим – тёплым, почти уютным. Но в то же время внутри меня растёт тревога. Что это значит? Почему присутствие этой девушки так влияет на меня? Ведь она – подруга Кати, годится мне по возрасту в дочери, и всё это ужасно неправильно.

Но я не могу не замечать, как она двигается, как улыбается, как её глаза светятся интересом, когда она осматривает кухню. И я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы этот момент длился вечно.

Наливаю себе ещё кофе из тяжёлого стеклянного кофейника. Тёмная жидкость льётся плавно, с тихим, успокаивающим бульканьем. Ставлю на стол сковороду с пышным омлетом, украшенным зеленью и кусочками сыра. И мы приступаем к завтраку.

Тихо. Только шум моря доносится снизу, разбиваясь о прибрежные камни и создавая успокаивающий ритм. Неловкость висит в воздухе, словно туман над водой. Ксюшаковыряет вилкой омлет, её движения неуверенны, будто она не знает, как себя вести. Я подхватываю помидор, нарезанный толстыми ломтиками, и решаю нарушить молчание.

– Катя много рассказывала о вас, – начинаю я, чтобы разрядить обстановку. – Говорит, вы отлично разбираетесь в истории искусств.

Она вздрагивает, словно пойманная на чём-то постыдном, и её щёки слегка розовеют.

– Ой, ну... Катя преувеличивает. Мне просто это нравится, вот и пошла учиться. Люблю картины. Старые мастера... – Она запинается, словно не зная, как продолжить. – А вы... Катя говорила, вы тренер по волейболу? Пляжному?

– Да. Уже лет двадцать, – улыбаюсь, чувствуя, как напряжение уходит. Легче говорить о привычном. – Вот здесь, на нашем пляже, и тренирую. Ребята местные, студенты. Энтузиасты.

– Это так здорово! – её глаза загораются искренним интересом, и в них появляется тот блеск, который я так ценю в людях. – А сложно это? Тренером быть?

Разговор оживляется. Она задаёт вопросы – умные, не поверхностные. Про методики, про психологию спорта, про работу с командой. Я удивлён. Студентка-искусствовед, а интересуется спортивной кухней. Рассказываю: про поражения, которые важнее побед. Про дисциплину. Про море, которое и друг, и соперник для пляжников.

Она слушает, подперев щеку рукой, не сводя с меня внимательного взгляда. Голубые глаза следят за каждым моим движением, за каждым словом. В них нет глупого обожания, как порой случается с молодыми девчонками на пляже, но есть настоящий интерес. Это... приятно. Неожиданно.

Завтрак проходит легко. Неловкость растворяется в разговоре о море, о Крыме, о Кате. Ксения смеётся над историей, как Катя в детстве боялась крабов, и её смех – звонкий, чистый – наполняет тишину дома, вытесняя тревогу за дочь. Я ловлю себя на мысли, что смотрю на неё не как на подругу дочери, а как на... интересного человека. Молодого, красивого, полного жизни.

И тут же срабатывает внутренний стоп-кран. “Иван, опомнись. Ей двадцать. Тебе сорок семь. Это подруга твоей дочери”.

После завтрака она предлагает помыть посуду, и я не возражаю. Сам иду в сад, где воздух пропитан ароматом цветущих роз и спелых абрикосов. Нужно проверить систему полива, собрать переспевшие фрукты. Работа – лучшее лекарство от ненужных мыслей. Солнце припекает спину, птицы щебечут в кронах деревьев, а море продолжает свой вечный ритм, словно напоминая о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Через какое-то время слышу лёгкие, почти невесомые шаги на выложенной камнем дорожке. Оборачиваюсь. Ксения стоит под старой грушей, ветви которой склонились под тяже-

стью ещё зеленоватых, но уже налившихся соком плодов. Солнечные зайчики, словно озорные бабочки, прыгают по её лицу, по обнажённому плечу, создавая причудливый узор света и тени.

– Можно? – она указывает на груши, и в её голосе звучит искреннее любопытство.

– Конечно. Берите любые фрукты. Только осторожно, ветки хрупкие, – отвечаю я, стараясь не выдать своего волнения.

Она подходит ближе, тянется к низко висящей ветке. Футболка задирается, открывая идеально округлые полушария ягодниц, тонкую талию, гладкую кожу спины. Я отворачиваюсь, делая вид, что поправляю шланг, но боковым зрением всё равно замечаю каждое её движение. Вижу, как она срывает грушу, откусывает. Сок стекает по подбородку, оставляя блестящую дорожку. Она смеётся, вытирает его тыльной стороной ладони – простой, естественный жест, в котором столько жизни, молодости, чувственности, о которой она, кажется, даже не подозревает.

“Хватит, Андреич. Хватит”, – строго говорю себе, но глаза снова и снова находят её силуэт.

Она отходит к кустам малины, осторожно срывает ягоды, пробует. Закрывает глаза от удовольствия, и в этом жесте столько искренности, столько наслаждения простым моментом. Губы её блестят от сока, и я отворачиваюсь, но образ уже намертво отпечатывается в памяти.

В голове стучит набатом: “Она – гостя. Подруга твоей дочери, которая лежит в больнице. Ты – взрослый мужчина. Возьми себя в руки”.

– Вкусно? – слышу словно со стороны свой голос, который звучит почти нормально, хотя внутри всё бурлит.

Она оборачивается, улыбаясь во весь рот, с полной пригоршней малины, ягоды которой блестят, словно рубины.

– Это что-то невероятное просто! – с восхищением отвечает Ксения. – Такая сладкая, в Москве такую не найти! Хотите?

Подходит ближе, протягивает ладони. Я беру несколько ягод, и наши пальцы почти касаются. Её кожа кажется прохладной, почти ледяной на фоне полуденного зноя.

– Спасибо. Да, наше солнце делает своё дело, – отправляю ягоды в рот, и сладость взрывается на языке, смешиваясь со вкусом моря и южных трав. – Вечером, если хотите, можем сходить на пляж. Я тренировку провожу. Посмотрите, что такое настоящий пляжный волейбол.

Её глаза загораются, словно звёзды в ночном небе.

– Правда? – спрашивает она, и я киваю. – С удовольствием схожу!

– Хорошо. Сейчас я доделаю дела здесь, потом заедем в больницу к Кате. А вечером – на пляж.

Она кивает и, напевая что-то под нос, снова погружается в малиновые кусты, чьи листья шелестят от лёгкого ветерка. Я смотрю ей вслед, потом резко разворачиваюсь к шлангу, пытаюсь сосредоточиться на работе.

Концентрация.

Контроль.

Никаких глупостей.

Но образ её, слизывающей малиновый сок с губ, упрямо стоит перед глазами, словно картина, которую невозможно стереть из памяти.

Этот дом внезапно перестал быть тихим. Он наполнился опасным, сладким ароматом молодости и чего-то ещё... чего-то, чего я не чувствовал очень давно. С тех пор как умерла Ольга.

Три года. Три года тишины и работы, где каждый день был похож на предыдущий, где боль притуплялась тренировками и заботами о дочери.

И вот теперь – этот ветерок перемен. Свежий, но тревожный. Я не знаю, что с этим делать. Не знаю, как справиться с этими чувствами, которые, словно морские волны, накатывают одна за другой, размывая привычную береговую линию моей жизни.

Глава 3. Ксюша

Визит к Кате одновременно и радостный, и тягостный.

Радостный – потому что видеть её здоровой, приходящей в себя, пусть и бледной, но уже шутящей над больничной кашей, это огромное облегчение. Её глаза всё так же искрятся, хотя в них появилась новая, серьёзная нотка. Она пытается держаться бодро, но я вижу, как ей тяжело.

Тягостный – потому что я чувствую себя ужасно виноватой. Она здесь, в этой казённой палате, с белыми стенами, среди пахнущих лекарствами простыней и скрипучих коек, а я... Я в её доме, в её гостевой комнате, наслаждаюсь крымским солнцем, морским бризом и... общением с её отцом. Эта мысль гложет меня, словно ржавый гвоздь, застрявший в сознании.

Я ловлю себя на том, что рассказываю ей про завтрак, про сад, и намеренно опускаю детали. Не упоминаю, как вкусно готовит Иван Андреевич, как его руки уверенно держат вилку, как он улыбается, рассказывая истории о волейболе. Не говорю о том, как легко с ним разговаривать, как его седые виски на солнце выглядят... привлекательно.

“Ксюша, ты предательница!” – шипит внутренний голос, пока я улыбаюсь Кате и слушаю её жалобы на врачей, на скучную больничную еду и на то, как ей не хватает свободы.

– Держись, Кать! Скоро домой! – обнимаю я её на прощание, стараясь звучать бодро, хотя внутри всё сжимается от чувства вины.

– Да уж... – она вздыхает, и в этом вздохе столько тоски по дому. – Ты там без меня не скучай. Папу только не замучай своими разговорами про Рембрандта, он этого не выносит, – усмехается она, не подозревая о том, как близко к истине она сейчас.

Я фальшиво смеюсь. Если бы она только знала, что мы с её отцом сегодня говорили – но вовсе не о Рембрандте, а о тактике блока в волейболе! И говорили весьма увлечённо, с горящими глазами, словно два единомышленника, нашедших общий язык!..

Дорога домой проходит в молчании. Иван Андреевич сосредоточен на дороге, его профиль словно высечен из камня, а я утопаю в своих мыслях, которые кружатся в голове, словно осенние листья в вихре ветра. Вина, вина, вина... И какое-то странное возбуждение от предстоящего вечера на пляже, которое я пытаюсь подавить, но оно всё равно пробивается сквозь все мои попытки.

– Переоденьтесь во что-то... попроще, – говорит отец Кати, когда мы приезжаем домой. Его голос звучит спокойно, но я чувствую в нём нотки заботы. – На песке будете сидеть. И ветерок с моря прохладный, возьмите кофту.

Я киваю и убегаю в свою комнату, голова закипает от собственных мыслей. Что надеть? Шорты? Лёгкое платье? Останавливаю выбор на джинсовых шортах и свободной белой блузке. Накидываю тонкую вязаную кофту. Волосы собираю в высокий хвост, чтобы они не мешали.

Смотрюсь в зеркало. Моё отражение выглядит... взволнованно. Щёки слегка румяные, глаза блестят.

“Ты собираешься на пляж смотреть на тренировку отца своей подруги. Не на свидание. Помни об этом”, – напоминаю себе, но всё равно отмечаю, что выгляжу отлично. Что-то в моём облике сегодня другое, более женственное, более открытое.

В голове мечутся противоречивые мысли. Я не должна так себя чувствовать. Не должна думать об Иване Андреевиче как о мужчине. Он – отец Кати, он старше меня больше чем вдвое, он... Он другой. Совсем другой.

Но почему же тогда моё сердце бьётся чаще, когда я думаю о предстоящем вечере с ним? Почему ладони потеют, а в животе порхают бабочки?

“Это просто волнение, – убеждаю себя. – Просто новый опыт, новые впечатления”.

Но глубоко внутри я знаю, что это не так. Что-то меняется. Что-то, чего я не могу объяснить, но что наполняет меня странным, тревожным предвкушением.

Пляж, куда мы приезжаем, оказывается совсем не похожим на те многолюдные курорты, которые я видела раньше. Это небольшая уютная бухта, спрятанная между величественными скалами, словно тайное место, известное только избранным. Золотистый песок переливается в лучах заходящего солнца, а вода здесь кажется особенно прозрачной.

Команда уже собралась – молодые парни и девушки лет двадцати – двадцати пяти, загорелые, подтянутые, с горящими глазами. Они выглядят как настоящие атлеты, и в каждом их движении чувствуется та особая грация, присущая спортсменам. При виде Ивана Андреевича они оживляются, кричат приветствия, и в их голосах слышится искреннее уважение.

– Команда, это Ксения, подруга Кати, – представляет он меня коротко, но с особой теплотой в голосе. – Катя сейчас в больнице, у неё аппендицит, поэтому Ксения побудет с нами на тренировках.

– Привет, Ксения! – разносится нестройный хор голосов. Один из парней, видимо, капитан команды или просто самый активный тут, выходит вперёд:

– Вот это новость про Катюху, жёсть, Андреич! Пусть выздоравливает скорее!

Иван Андреевич сдержанно благодарит его. Капитан переводит взгляд на меня, улыбается, подмигивает, и напряжение немного спадает.

Когда Иван Андреевич сбрасывает футболку, я невольно отвожу взгляд, но краем глаза всё равно замечаю его тренированное тело. Мощные мышцы, рельефный торс, следы старого шрама на рёбрах – всё это заставляет меня покраснеть, хотя я стараюсь не показывать своих эмоций.

Его голос на пляже звучит иначе – громче, увереннее, но с какой-то особенной отеческой теплотой. Здесь он не просто тренер – он лидер, авторитет, человек, к которому прислушиваются.

Я устраиваюсь на тёплом песке чуть в стороне, поджав под себя ноги. Солнце медленно клонится к закату, окрашивая небо и море в невероятные оттенки розового, оранжевого и золотого. На этом фоне разворачивается настоящая феерия – быстрая, азартная, завораживающая игра.

Мяч летает над сеткой, словно живой, игроки прыгают, падают, смеются. Иван Андреевич находится в самом центре этого действия. Он не просто наблюдает – он играет вместе с командой! Его движения точны, мощны, отточены годами тренировок. Он подаёт так, что мяч врежется в песок, рассекая его поверхность, словно снаряд. Блокирует подачи с невозмутимым спокойствием профессионала.

Я смотрю на него, зачарованная не только игрой, но и им самим. На пляже, в своей стихии, он невероятно притягателен. Сила, уверенность, харизма – всё это исходит от него волнами. Я ловлю себя на том, что слежу не за мячом, а за ним – за тем, как играют мышцы на его спине при замахе, за каплями пота, стекающими по виску, за сосредоточенным выражением лица при приёме.

“Прекрати!” – мысленно кричу я себе, но это бесполезно. Это как гипноз. Его движения завораживают меня, заставляют сердце биться чаще.

После особенно удачного розыгрыша, когда его команда вырывает очко в сложнейшей ситуации, он оборачивается и неожиданно смотрит прямо на меня. И улыбается – широко, по-мальчишески, так, как не улыбался раньше. От этой улыбки у меня внутри всё переворачивается. Я машинально улыбаюсь в ответ, чувствуя, как горит лицо, как бабочки порхают в животе.

Тренировка заканчивается с наступлением сумерек. Море окрашивается в тёмно-фиолетовые тона, а небо над головой становится бархатно-синим, усыпанным первыми звёздами. Ребята, потные, покрасневшие, но довольные, начинают собираться. Их голоса звучат приглушённо, словно эхо уходящего дня.

– Андреич, как обычно? – кричит один из парней, высокий брюнет с татуировкой дракона на плече – тот самый, кто выразил беспокойство о Кате от лица всей команды.

– Как обычно, – кивает Иван Андреевич. Он подходит к большой спортивной сумке и достаёт... бутылку. Тёмное стекло, без этикетки. Перехватывает мой удивлённый взгляд и поясняет: – Домашнее вино. Отдохнуть надо.

Он разливает напиток в простые пластиковые стаканчики, раздаёт их ребятам. Подходит ко мне, и в полумраке его фигура кажется особенно внушительной.

– Попробуйте? Наше, крымское. Солнце и море в бутылке, – его глаза в сумерках кажутся ещё глубже, ещё загадочнее, словно два тёмных омута.

Я колеблюсь. Алкоголь? С ним? С отцом Кати? Но отказываться как-то неловко, да и вино пахнет так соблазнительно...

– Немножко, пожалуйста.

Он наливает мне совсем чуть-чуть. Вино тёмно-рубинового цвета, играет в свете угасающего дня. Аромат окутывает меня – ягоды, травы, что-то древнее, земляное, словно сама крымская земля поделилась с этим напитком своей силой.

Я делаю маленький глоток. Вкус взрывается на языке – терпкий, насыщенный, с долгим, тёплым послевкусием, которое разливается по телу приятным теплом.

– Ого... – вырывается у меня. – Сильное. И вкусное.

Он удовлетворённо улыбается, и в этой улыбке есть что-то такое, от чего у меня замирает сердце.

– Самодел. Из нашего винограда. – Он присаживается рядом со мной на песок – не близко, но и не так уж далеко. Достает сигарету, прикуривает. Запах табака смешивается с морским бризом, с ароматом вина, создавая какой-то особенный, почти магический коктейль.

– Понравилось наблюдать, как мы дерёмся?

– Да! – отвечаю я искренне, чувствуя, как вино добавляет смелости моим словам. – Это так... красиво. Динамично. Вы играете потрясающе.

Он усмехается, и в этой усмешке есть что-то мальчишеское, совсем не похожее на его обычное сдержанное выражение лица.

– Стараюсь не отставать от молодёжи. Да и... – он делает затяжку, глядя на тлеющий кончик сигареты, – здесь я отдыхаю. По-настоящему.

Ребята шумят неподалёку, смеются, делясь впечатлениями от игры. Их голоса доносятся до нас, словно из другого мира. А мы сидим чуть в стороне, в наступающих сумерках, в нашем маленьком мирке, где есть только он, я и море, которое шепчет свою вечную песню.

Вино согревает изнутри, разливается приятной тяжестью. Я ощущаю присутствие Ивана Андреевича физически – тепло, исходящее от его тела, его спокойное дыхание, запах табака и моря, смешанный с пряным ароматом его кожи.

В голове немного кружится – то ли от вина, то ли от близости этого человека, то ли от всего происходящего. Мысли становятся тягучими, словно мёд, а сердце бьётся чаще обычного.

– Катя говорила... что мама... – начинаю я осторожно, словно ступаю по тонкому льду. Каждый звук кажется слишком громким в этой вечерней тишине. – Что она... три года назад...

Он не отвечает сразу. Делает глоток вина – глубокий, медленный, словно проглатывая вместе с ним боль. Шумное глотание эхом отдаётся в моей груди.

– Да. Рак, – его голос звучит ровно, но в нём появляется та особая, гранитная твёрдость, которая бывает только у тех, кто прошёл через ад и пытается оправиться. – Быстро всё произошло. Не успели даже опомниться...

– Мне очень жаль, – шепчу я, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Он молчит, глядя куда-то в темнеющее море, где волны накатывают на берег, словно пытаюсь унести с собой его боль.

– Жизнь идёт, Ксения. Как эти волны. Накатывает, откатывает. Ничего не поделаешь, – он поворачивается ко мне, и в полумраке его лицо кажется высеченным из камня. – Главное – не застрять в откате. Продолжать идти вперёд. Хотя бы ради тех, кто остался. Ради Кати.

В его словах нет ни капли жалости к себе. Только принятая, выстраданная правда и огромная внутренняя сила. Я испытываю острое желание прикоснуться к его руке, утешить, но вместо этого сжимаю пальцы на коленях до боли.

– Катя... она ещё не оправилась, – говорю я тихо, глядя на тлеющий огонёк в его руках. – Она очень скучает по маме.

– Знаю, – вздыхает он, и дым от сигареты вьётся призрачной лентой в воздухе. – Она злится на весь мир. Особенно на меня. Думает, я должен страдать вечно. Обижается, что живу, чем-то продолжаю заниматься – волейболом вот, например, чем-то новым увлекаюсь. – В его голосе слышится горькая ирония. – Но я живой человек, Ксения. У меня одна жизнь, которой и без того осталось не так уж и много. И я не хочу прожить её остаток в вечном трауре. Это просто жизнь. И так случается.

Его слова повисают в воздухе тяжёлыми грозowymi тучами. Откровенные, болезненные, сказанные почти незнакомой девушке. В этой откровенности есть что-то интимное. Доверие? Или отчаянная потребность быть услышанным без осуждения?

Я не знаю, что сказать. Просто слушаю шум прибоя и его дыхание, смешанное с запахом моря и табака.

Не знаю, сколько мы так сидим – время словно остановилось в этой вечерней тишине. Потом он встаёт, отряхивая песок с шорт, и его движения кажутся мне слишком резкими.

– Пора. Ребят нужно разгонять, да и нам пора домой. Завтра рано вставать – мне нужно к Кате заехать с утра.

Я пытаюсь встать, чувствуя лёгкое головокружение от вина и онемение в затекших от долгого сидения ногах. Иван Андреевич протягивает руку, чтобы помочь мне подняться. Его ладонь – горячая, шершавая, сильная – охватывает мою руку. Я задерживаю свою ладонь в его чуть дольше, чем нужно. Наши глаза встречаются в темноте, и в его взгляде я вижу что-то... тёплое, вопросительное, почти уязвимое.

На мгновение время замирает. А потом он отпускает мою руку и поворачивается к ребятам.

– Всё, команда, закончили на сегодня! – его голос звучит твёрдо, уверенно. – Завтра встречаемся в то же время.

Мы уходим с пляжа первыми, оставляя позади шумные разговоры команды. Дорога домой проходит в тишине, но это уже другая тишина – не неловкая, а... насыщенная. Полная невысказанных мыслей, невысказанных чувств, какого-то нового понимания между нами.

Я смотрю в окно на мелькающие огни, чувствуя вкус вина на губах и тепло его прикосновения на руке. Ветер играет с моими волосами, принося с собой запах моря и соли.

Этот вечер изменил что-то. Нет, он – всё ещё Иван Андреевич: недоступный, запретный отец моей подруги, мужчина вдвое старше, а я – до сих пор всего лишь я: двадцатилетняя подружка его дочери, по глупой случайности застрявшая у него в гостях. Но этот вечер на пляже, этот разговор за вином изменили что-то. Разорвали невидимую грань, которая существовала между нами, размыли границы дозволенного.

Я не знаю, хорошо это или плохо. Знаю только, что назад пути уже нет.

Глава 4. Иван

Катя выглядит лучше. Её лицо уже не такое бледное, хотя тени под глазами всё ещё напоминают о пережитой операции. Она жуёт яблоко, которое я привёз сегодня, и привычно жалуется на больничную скуку. Я слушаю её, киваю, поддакиваю, стараясь быть тем самым внимательным и заботливым отцом, каким должен быть. Но мои мысли... Они где-то далеко отсюда. В доме. С ней.

– Пап, ты меня слушаешь? – Катя хмурится, прерывая поток моих размышлений.

– Конечно, доча. Про доктора Алексеева, который вечно опаздывает. Продолжай, – отвечаю я, пытаюсь сосредоточиться на её словах.

Она вздыхает, отбрасывая огрызок яблока в урну:

– Да ладно. Всё равно ты сегодня какой-то... отстранённый. Ксюша как? Не скучает без меня?

Мышцы спины напрягаются помимо воли. В голове проносятся образы вчерашнего вечера: она, сидящая на песке, аромат вина, смешивающийся с запахом моря, её искренний восторг от игры.

“Она прекрасно проводит время. Со мной. На пляже. Смотрит игру. Пьёт моё вино”, – проносится в мыслях.

– Нормально. Держится молодцом. Вчера на тренировку ходила, смотрела, – отвечаю сдержанно.

– На твою? – Катя фыркает, приподнимая бровь. – Ну и ну. Она же в искусстве копается. Что она в волейболе поняла?

“Больше, чем ты думаешь”, – мелькает мысль. Но вслух произношу:

– Заинтересовалась. Задавала вопросы. Умная девчонка.

Дочь смотрит на меня прищурившись. Её взгляд – как сканер, проникающий в самую глубину души. Дочери всегда чувствуют фальшь. Особенно моя.

– Умная, да, – соглашается она, но в её тоне слышится что-то... оценивающее. – Только ты с ней не очень-то занудствуй, пап. Не пугай её своими тренерскими нотациями. Она пришла отдыхать, а не лекции слушать.

Я выдавливаю улыбку, стараясь выглядеть естественным:

– Обещаю сильно постараться.

Оставшееся время визита я чувствую себя актёром, отвратительно исполняющим свою роль. Катя говорит о планах на выписку, о вечеринке, которую хочет устроить, о своих друзьях, с которыми мечтает познакомить Ксюшу. Каждое упоминание её имени – как острый нож, вонзающийся в сознание.

В моей голове – не больничная палата, а дом. Воспоминания накатывают волнами: её смех за завтраком, сосредоточенное лицо, когда она слушала меня на пляже, босые ноги на тёплой террасе. И чувство вины накрывает с новой силой – вины перед Катей, перед памятью Ольги.

Но сильнее вины – это странное, нарастающее влечение. Оно пугает своей неожиданностью и силой, словно волна, подхватившая тебя и несущая неведомо куда. Я пытаюсь бороться с этими чувствами, но, кажется, чем больше я пытаюсь загасить их в зародыше, тем они становятся только сильнее.

За окном палаты мелькают деревья, их зелёные кроны качаются от ветра. Солнце пробивается сквозь жалюзи, рисуя на стенах золотистые полосы. А я всё думаю о ней. О том, как она улыбается, как смеётся, как внимательно слушает. Я всеми силами стараюсь сосредоточиться на визите к дочери, но мои собственные мысли никак не хотят возвращаться к реальности больничной палаты.

Когда я уйду, Катя провожает меня внимательным взглядом. Она что-то подозревает, я чувствую это. Но не может понять, что именно. А я... я и сам не могу понять, что со мной происходит. Словно старая жизнь столкнулась с новой, и теперь они борются внутри меня за право существовать.

Дома пахнет свежесваренным кофе и чем-то ещё – чем-то неуловимо домашним, уютным. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь кружевные занавески, рисуют на стенах золотистые узоры. На кухне царит особая атмосфера – атмосфера утренней свежести и спокойствия.

Ксения стоит у раковины, моет посуду после завтрака, который я оставил для неё на плите. Её лёгкий сарафан, завязанный на шее, подчёркивает стройную фигуру. Спина открыта почти до талии, и солнечный зайчик прыгает по её позвоночнику, облизывая тёплыми мазками идеальную кожу и тонкие, словно бусины, позвонки.

– Я вернулся, – говорю громко, отводя взгляд к кофемашине, чтобы ненароком не выдать своих эмоций.

– Здравствуйте! Как Катя? – она оборачивается, вытирая руки о полотенце. Её лицо светится искренней заботой. В этом нет ни капли наигранности – она действительно переживает за подругу. От этого мне становится ещё тяжелее.

– Лучше. Ноет, что скучно. Ждёт выписки, – отвечаю я, наливая кофе. Рука чуть дрожит, выдавая моё внутреннее напряжение.

“Соберись, Андреич”, – мысленно приказываю себе.

– Я сегодня хотела сходить в город, – говорит Ксюша, приближаясь. – Посмотреть старую часть. Может, сувениры какие Кате привезти, поднять настроение. Вы не подскажете, куда лучше?

Я поворачиваюсь к ней. Она стоит слишком близко. Чувствую лёгкий аромат её шампуня – свежий, как морская волна ранним утром, с нотками арбуза. Этот запах будоражит воображение, рисуя картинки, какие я не должен представлять. Как она, нагая, на рассвете медленно входит в воду...

– Я... я могу вас свозить, – слышу словно со стороны свой голос, и он звучит нормально. Почти. – Если хотите. У меня как раз дела в городе. И вам покажу места, куда туристы редко забираются.

Её глаза расширяются от искреннего восторга.

– Правда? Это было бы замечательно! Только... если вам будет несложно...

– Не сложно, – отвечаю я резче, чем планировал. – Давайте только кофе допью.

Пока пью, чувствую её взгляд на себе – изучающий, любопытный. Что она видит? Седого тренера? Отца своей подруги? Или... мужчину? Эта мысль заставляет сердце биться чаще, разгоняя кровь по венам.

“Опасная игра, Иван. Очень опасная”, – шепчет внутренний голос.

Дорога в город превращается в настоящую экскурсию. Я показываю ей смотровые площадки, рассказываю истории полуострова, его улочек и домов. Делюсь легендами о греках и генуэзцах, о войне и мире. Она слушает, затаив дыхание, задаёт умные, небанальные вопросы.

Мы стоим на вершине холма, где ветер играет с нашими волосами, а внизу расстилается бухта – словно драгоценный камень в оправе скал. Но я не смотрю на знакомый пейзаж – я смотрю на её лицо. На нём отражается чистая, безудержная радость открытия. Она ловит мой взгляд и улыбается – открыто, искренне, без тени смущения или расчёта.

Эта улыбка заразительна. Я улыбаюсь в ответ, и в этот момент чувство вины отступает, утопая в простом человеческом счастье быть здесь и сейчас. С ней. Рядом.

В воздухе витает аромат моря, смешанный с запахом цветущих деревьев. Птицы поют свою утреннюю песню, а солнце медленно поднимается всё выше, заливая мир золотым светом. И в этот момент кажется, что весь мир остановился, чтобы мы могли насладиться этим мгновением вдвоём.

Мы идём по старым улочкам, залитым знойным светом. Пахнет едой, выпечкой, люди торопятся по своим делам, но мы неспешно бредём по городу, изредка останавливаясь то тут, то там, когда Ксения хочет сделать фото.

– Спасибо, Иван Андреевич, – говорит она неожиданно, её тихий голос звучит особенно нежно в этой старинной атмосфере. – Я бы никогда сама этого не увидела. И не узнала.

– Зовите меня просто Иван, – слышу я свои слова, которые словно вырываются из глубины души, минуя разум. – Андреич – это для команды и Кати. А здесь... – я делаю широкий жест, охватывая взглядом старинные стены, бескрайнее море и безоблачное небо. – Здесь я просто Иван.

Она останавливается, поворачивается ко мне. Её глаза – огромные, синие, как два бездонных озера чистой горной воды, в которых отражается весь мир.

– Хорошо... Иван, – произносит она моё имя осторожно, словно пробуя его на вкус. Оно звучит на её устах... по-новому. Нежно, почти интимно.

– Тогда и вы меня зовите просто Ксюша, – предлагает она. – Полностью как-то... официально.

В горле пересыхает. “Ксюша”. Простое имя, но сказанное здесь и сейчас, оно кажется особенным, почти запретным.

– Хорошо, Ксюша, – отвечаю я, чувствуя, как голос становится хриплым. – Пойдёмте. Покажу вам одно местечко, где делают лучший кофе в городе.

Мы идём рядом. Её плечо иногда почти касается моего локтя. Каждое такое мимолетное прикосновение – как электрический разряд, проходящий сквозь всё тело.

Маленькая кофейня прячется в тени старинной арки. Старый грек Николай, хозяин заведения, встречает нас как давних друзей. Мы заказываем кофе по-гречески – густой, сладкий, с плотной пенкой.

За столиком у окна время теряет свою власть. Мы говорим уже не об истории – о жизни. О Москве, о её учёбе, о моём спортивном прошлом, о книгах, о музыке. Я ловлю себя на том, что смеюсь над её шутками, рассказываю вещи, о которых молчал годами. О том, как боялся первого выхода на тренерский мостик. О том, как Ольга смеялась над моей серьёзностью...

“Ольга”.

Это имя повисает в воздухе, словно внезапная грозовая туча, взявшаяся из ниоткуда. Ксюша замолкает, смотрит на меня с искренним сочувствием.

– Она была... особенной? – спрашивает она тихо.

– Да, – отвечаю я просто. – Солнечной, как Катя. Только спокойнее. Она умела гасить мои бури. – Делаю глоток остывшего кофе, чувствуя горечь на языке. – После неё осталась оглушительная тишина и огромная пустота.

– А вы пытались... – она запинается, – встретить кого-то ещё?

Вопрос прямой, неожиданный. Я смотрю в её глаза – в них не праздное любопытство, а глубокое понимание, готовность слушать. И интерес. Личный.

– Нет, – отвечаю честно. – Не было ни сил, ни желания. Катя, можно сказать, была ещё подростком, злилась, замыкалась. Работа... работа спасала. До сих пор спасает.

– А сейчас? – шепчет она. Её голос едва слышен над шумом кофемашины.

Я смотрю в её синие глаза – глубокие, как море в этой бухте. И понимаю, что ответ уже есть. Он витает в воздухе между нами с прошлого вечера на пляже. Он в её улыбке, в её смехе, в том, как она смотрела на меня во время игры. Он здесь, в этой кофейне, в её вопросе.

– Сейчас... – начинаю я, но не могу закончить. Не могу сказать это вслух. Не здесь. Не сейчас.

“Сейчас есть ты, Ксюша. И эта тишина в доме больше не пугает. Она наполняется твоим присутствием”, – эти слова так и остаются невысказанными.

Телефон разрывается от звонка, вырывая меня из зыбкого мира чувств и эмоций. На экране – фотография Кати. Я вздрагиваю, словно пойманный с поличным преступник. Пальцы дрожат, когда принимаю вызов.

– Пап, когда приедете? – голос дочери звучит так обыденно, так по-детски, что сердце сжимается от боли. Я обещаю, что скоро мы навестим её.

– Нам пора, – говорю я Ксюше, резко поднимаясь из-за уютного столика. Мой голос снова становится тренерским, отстранённым, чужим. – Катя ждёт.

Она молча кивает, доедая свою пышку. Её лицо становится серьёзным, словно она вдруг повзрослела на несколько лет. В её глазах я читаю понимание – понимание моего обрыва, моей нерешительности, моих страхов. Там нет обиды, только тихая печаль и принятие.

Дорога до больницы тянется бесконечно. Прежняя лёгкость, витавшая между нами, словно рассеялась в воздухе. Между нами вырастает невидимая стена – стена долга, вины, страха перед последствиями. Я смотрю на дорогу, но вижу только её лицо в кофейне, когда она спросила: “А сейчас?” Вижу печаль в её глазах сейчас. И чувствую, как что-то важное, хрупкое, только начавшее прорасти, даёт трещину из-за моей трусости, моего страха перед правдой, перед Катей, перед самой собой.

Визит к дочери превращается в пытку. Я вынужден удерживать взгляд подальше от Ксюши, не могу ответить на невинный вопрос дочери: “А чем вы занимаетесь, пока я здесь бока отлёживаю?” Наконец не выдерживаю и, сославшись на срочный звонок, покидаю палату. А потом меряю пространство коридора размашистыми шагами, предоставляя девочкам возможность посудачить без моего участия.

Обратная дорога кажется ещё более напряжённой. Я смотрю на закатные лучи, тонущие в море, а вижу солнечные блики в её волосах на утёсе. Стискиваю руль до побелевших костяшек, чувствуя, как Ксюша судорожно вздыхает рядом. Чувствует ли она это напряжение? Понимает ли его значение?

Дом встречает нас привычной тишиной, но теперь она кажется громче любого крика. В этой тишине слышится немой вопрос: “Что дальше, Иван? Куда ты поведёшь эту лодку?”

Я не знаю ответа. Знаю только, что плыть против течения становится всё труднее, а течение это – не просто метафора. Оно состоит из вины перед дочерью, памяти о жене, страха потерять всё, что имею. И желания, которое становится всё сильнее с каждым мгновением.

В полумраке гостиной тени кажутся длиннее обычного, а часы тикают слишком громко, отсчитывая уходящие секунды нерешительности. И я понимаю, что рано или поздно придётся сделать выбор. Только вот готов ли я к его последствиям?

Глава 5. Ксюша

Дни тянутся медленно, словно тягучая смола старых крымских сосен, оставляя за собой липкий след в душе. Солнце поднимается над морем, окрашивая волны в расплавленное золото, а я всё чаще ловлю себя на мысли, что каждый день здесь наполнен для меня особым смыслом.

Катя идёт на поправку, и мы общаемся по телефону сотни раз в день. Её голос звучит всё бодрее, но в глазах, когда она смотрит на меня через экран смартфона или когда я сижу рядом с её больничной койкой, иногда проскальзывает что-то тревожное, настороженное. Или это лишь плод моего воображения?

Я стараюсь рассказывать ей о прогулках, о пляже, но опускаю детали. Молчу о том, как Иван – теперь уже просто Иван – смеялся сегодня утром над моими кулинарными неудачами, когда я жутко пересолила омлет. Как он поправил слетевшую с плеча бретельку моего сарафана, когда мы шли по рынку, и его пальцы на секунду коснулись моей кожи, оставив огненный след. Как мы молча смотрели на закат вчера с террасы, и это безмолвие было громче любых слов.

После той поездки в город, после его оборванной на полуслове фразы в кофейне, между нами словно протянулась невидимая нить. Она то натягивается до предела, то чуть ослабевает, но никогда не рвётся.

Что-то изменилось между нами. Стало больше невысказанного. Больше напряжения. Больше... тайны. Наши взгляды встречаются через стол, руки случайно соприкасаются, когда я передаю ему соль или он наливает мне воды – и каждый раз мы отдергиваем их, словно от огня. Но в этих мимолетных прикосновениях – целый мир запретного чувства.

Сегодня вечером Иван снова на тренировке. Я сижу на песке, укутавшись в кофту – ветер стал прохладнее, несёт с моря солоноватую влагу. Волны накатывают на берег, словно пытаюсь унести с собой мои мысли.

Я наблюдаю за ним. За его уверенными движениями, за тем, как напрягаются мышцы под футболкой, когда он отбивает мяч. Он играет с азартом, полностью сосредоточенный на игре, но я чувствую – его мысли где-то далеко. Иногда его взгляд находит меня среди зрителей. К тренировкам стали приходить местные ребята, привлечённые, видимо, моим присутствием. Они крутятся поблизости, и в глазах Ивана всё чаще мелькает что-то тёмное, почти угрожающее. Ревность? Не может быть. К кому? Я сижу одна, всем видом показывая, что не заинтересована в общении.

После тренировки воздух наполняется гулом голосов. Ребята шумят, смеются. Иван раздаёт вино, но сегодня он не спешит ко мне. Разговаривает с тем высоким брюнетом, Димой, который вечно отпускает шутки. Я вижу, как Дима кивает в мою сторону, что-то говорит, смеётся. Иван отвечает резко, его лицо мрачнеет.

Наконец он берёт два стаканчика, наливает вино и направляется ко мне. Его шаги уверенные, но в них есть что-то напряжённое. Море шумит прибоем, ветер играет с моими волосами, а я чувствую, как сердце начинает биться чаще при его приближении.

– Холодно? – его голос звучит напряжённо, когда он протягивает мне стаканчик с вином.

– Немного. Но ничего, терпимо, – принимаю напиток, делаю глоток. Вино кажется сегодня особенно терпким, обжигает горло. – Отличная игра была. Особенно тот момент, когда ты спас мяч у самой линии.

Он кивает, садится рядом – ближе, чем обычно. Я чувствую тепло его тела, разливающееся по коже, но это не согревает. Напротив, меня пробирает дрожь, словно электрический разряд проходит через всё тело.

– Да, Серёга хорошо скинул, – отвечает он, но замолкает, устремив взгляд на море. Через несколько мгновений поворачивается ко мне. – Тебе нравится Дима?

Вопрос настолько неожиданный, что я кашляю, поперхнувшись вином.

– Дима? Тот, с татуировкой? Ну... он, вроде, весёлый, – выпаливаю, пожимая плечами. – Почему ты спрашиваешь?

– Он просил твой номер телефона. Говорит, хочет пригласить тебя на пляжную вечеринку в субботу, – его голос остаётся ровным, но в нём прорезается сталь, которую я раньше не замечала.

Меня охватывает странное чувство – смесь неловкости и... удовольствия. Он действительно ревнует? Эта мысль будоражит, заставляет сердце биться чаще.

– А что ты ответил? – спрашиваю, глядя ему прямо в глаза.

– Сказал, что ты гостья в моём доме, и без моего разрешения никуда не пойдёшь, – отвечает он прямо, не отводя взгляда. В его глазах читается вызов и что-то ещё... собственническое?

Во мне вспыхивает протест.

– То есть я должна спрашивать у тебя разрешения? Я же не Катя, не твоя родственница, и мне двадцать лет!

– А мне сорок семь, и я отвечаю за тебя перед твоими родителями и перед Катей, пока ты здесь! – его голос звучит резко, он наклоняется ближе. – И Дима... он не для тебя, Ксюша. Поверь.

– А кто для меня? – вырывается у меня шёпотом, но он слышит каждое слово.

Наши взгляды встречаются. В его глазах бушует буря – гнев, страсть и... боль? Я вижу, как он сжимает стаканчик с такой силой, что пластик трещит, и вино течёт сквозь его пальцы на песок.

– Не здесь, – цедит он сквозь зубы. – Поедем домой.

Резко встаёт, одним движением руки отрывает меня от земли, ставя на ноги, отдаёт испорченный стакан кому-то из ребят, объявляет, что уезжает. Я, ошеломлённая, иду за ним к машине. Он открывает мне дверь, сам садится за руль. Машина мчится по дороге быстро, молча. Напряжение в салоне висит, как грозовая туча, готовая разразиться молниями.

Луна поднимается над морем, заливая серебристым светом пустынную дорогу. Шум веселья и музыки, яркие огни на набережной остаются где-то позади. Я смотрю на его профиль – резкие черты лица, сжатые губы, и понимаю, что между нами больше нет места недосказанности. Теперь всё стало слишком явным, слишком реальным, слишком опасным.

Лунный свет заливает террасу серебристым сиянием. Море внизу словно усыпано звёздной пылью, а дорожка от луны тянется до самого горизонта, исчезая в неведомых далах. Ветер приносит с собой солёный бриз, который играет с моими волосами, развевая их по плечам.

– Ты не имеешь права так со мной поступать! – начинаю я первой, голос дрожит от переполняющих эмоций. – Я не твоя собственность! И не ребёнок!

Он поворачивается ко мне. В лунном свете его лицо кажется высеченным из мрамора – такое же твёрдое, несокрушимое, прекрасное в своей суровой красоте.

– Я знаю. Прости, – его голос хриплый, надломленный. – Но видеть, как они на тебя смотрят... как Дима на тебя смотрел сегодня... Я не выдержал.

– Почему? – требую я ответа, делая шаг ближе. – Почему тебе не всё равно?

Он молчит. Его глаза в темноте горят, прожигая насквозь. Я чувствую, как дрожу всем телом – то ли от холодного ветра, то ли от напряжения, то ли от предвкушения.

– Почему, Иван? – шепчу я, почти касаясь его груди.

Он стирает расстояние между нами одним стремительным шагом. Его руки ложатся на мои плечи. Крепко. Почти до боли.

– Потому что ты сводишь меня с ума, Ксюша! – его голос низкий, хриплый, полный отчаяния и страсти. – С того самого дня, как ты вышла на перроне в своём дурацком платье! Потому что твой смех лишил меня покоя! Потому что твои глупые вопросы про волейбол мне нравятся! Потому что малиновый сок на твоих губах никак не идёт из моих чёртовых мыслей! Потому что я не могу спать, зная, что ты спишь в соседней комнате! Потому что это неправильно, грешно, безумно, но я не могу остановиться! Не могу перестать думать о тебе...

Его слова обрушиваются на меня, подобно цунами. Воздух вокруг нас словно наэлектризован. Я не могу дышать. Не могу думать. Я только смотрю в его глаза, полные боли и желания. Его пальцы впиваются в мои плечи.

– Я... – начинаю я, но он не даёт мне договорить.

Его губы накрывают мои. Грубо. Отчаянно. Властно. Это не поцелуй. Это взятие крепости. Это признание и приговор одновременно. Мир переворачивается. Шум моря глохнет. Звёзды меркнут. Остается только вкус его губ – вина, соли, мужской силы. И боль от его пальцев на моих плечах. Боль, которая сладка и невыносима одновременно.

Я не сопротивляюсь. Мои руки сами поднимаются, обвивают его шею. Отвечаю на поцелуй – неумело, но со всей страстью, которая копилась во мне эти дни. Страстью, в которой я боялась признаться даже себе.

Он отрывается от моих губ, тяжело дыша. Его глаза в лунном свете горят диким, необузданным огнём. Я чувствую, как бьётся его сердце – часто, гулко, в унисон с моим.

В воздухе витает аромат моря, смешанный с запахом его кожи, с привкусом вина. Ночь становится свидетельницей нашего падения – греховного падения в бездну, из которой нет возврата. И я понимаю, что уже не хочу возвращаться.

– Боже мой... Что я творю... прости... – шепчет он, но его руки не отпускают меня. Напротив, они скользят вниз, обвивают мою талию, прижимают к себе так тесно, что я чувствую каждый мускул его тела, каждый удар его сердца. – Я не должен был... Это безумие...

– Замолчи, – шепчу я, прижимаясь губами к его щеке, к виску, к уголку губ. – Просто замолчи.

Он снова целует меня. Теперь медленнее. Глубже. Исследуя. Его руки осторожно гладят мою спину, путаются в моих волосах. Поцелуй становится нежным, почти робким. Полным вопроса и надежды.

– Ксюша... – моё имя на его губах звучит как молитва. – Что мы делаем?

Я не знаю ответа. Знаю только, что не хочу, чтобы это прекращалось. Что этот поцелуй над серебряным морем – единственное правильное, что случилось со мной за долгое время. Даже если завтра будет ад. Даже если Катя никогда не простит. Сейчас – здесь, в его объятиях, под луной – я наконец-то дома.

Мы стоим так, обнявшись, бесконечно долго. Шум прибоя возвращается, наполняя воздух мелодичным рокотом. Где-то вдали кричит чайка, нарушая ночную тишину. Холодный ночной ветер остужает пыл, но его тепло согревает меня лучше любого огня.

– Завтра... – начинает он, но я прикладываю палец к его губам, останавливая.

– Не завтра. Сейчас. Просто сейчас.

Он крепче прижимает меня к себе, его губы касаются моих волос, он вдыхает их аромат. Мы молчим, но в этой тишине звучит правда, которую мы больше не можем отрицать.

Мы влюблены.

Безумно, страстно, безрассудно.

Ничто уже не будет прежним.

И нет пути назад.

Только вперёд, в неизвестность, сквозь боль и возможные потери. Но вместе. Хотя бы на эту ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.